

ПОИСК СМЫСЛА И ГАРМОНИИ ЖИЗНИ В ПОЭЗИИ АХСАРА КОДЗАТИ

Н. Т. Накусова

Ахсар Кодзати в осетинской художественной культуре известен как талантливый поэт, прозаик, переводчик и публицист. Ш. Ф. Джикаев назвал поэзию Ахсара Кодзати песней мужества и доблести [1, 91-95]. Стихотворения А. Кодзати переведены на многие языки (английский, русский, украинский, немецкий, испанский, эстонский и др.) и нашли достойное признание в культуре многих народов. Если говорить об Ахсаре Кодзати как об авторе поэтического наследия, то его можно назвать поэтом трагическим. В стихотворениях писателя прослеживается ярко выраженный протест против окружающей действительности, светлые краски жизни редко становятся для А. Кодзати источником вдохновения. Поэт часто чувствует себя несчастным и одиноким, и мечты о гармонии уносят его в заоблачные выси. Отсюда рождаются стихотворения-грезы с элементами фантастики, образами и мотивами осетинских сказок и эпоса.

Тема поиска вечной гармонии сближает поэзию Ахсара Кодзати с творчеством поэтов серебряного века. Автор широко использует мотивы мировой классической литературы. Об этой особенности его поэзии Х.-М. Дзуццати писал: «Суверенность предполагает открытость миру, народам, странам, достижениям их культуры, литературы — и в прошлом, и в настоящем. Вот откуда у Ахсара десятки чужих тем и мотивов, которые настолько органично «интерпретированы» его поэтической суверенностью, что воспринимаются как его собственные стихи» [2, 460].

Ахсар Кодзати пишет о том, что его действительно волнует и тревожит, и даже мотивы других поэтов в творчестве писателя превращаются в отражение личных переживаний. Печальные ноты проявляются

у Кодзати уже на первом этапе творческого пути. В стихотворении «Поседел от черных дум и горя» («Ысурс мае кодтой сау мæт æмае сау маст», 1981) каждое слово поэта наполнено безысходностью:

*...æвзонгæй зæрдæ ссыхырна — цæфтæй,
мае ныфс æрлаемагъ, уæнгты хъару асаст,
æмае кæм ис æнамондæр маенай? [3, 67].
в юности от ран изрешетилось сердце,
слаба моя надежда, силы в членах нет,
и есть ли где несчастнее меня?*

(«Поседел от черных дум и горя», букв. пер.)

Трагическое звучание стихотворения усиливается с каждой новой строкой. Неустойчивая погода, мелкий дождь — безмолвные союзники страданий лирического героя. Грязь земли испачкала даже небо, ее невозможно смыть, врагов не отличишь от друзей, а ложь от действительности. Кругом царит фальшь, и некого призвать на помощь. Герой не может обрести поддержку среди живых, и в отчаянии пытается воззвать к мертвым.

В этом стихотворении встречается редкий для писателя поэтический образ — небо, испачканное землей. В поэзии Кодзати небесная даль — единственно чистое, прекрасное, наполненное божественным светом пространство. Грезы поэта часто уносят его в небеса, где он мечтает обрести вечную гармонию, свободу от бремени материального мира.

Ахсара Кодзати угнетает не столько сопротивление насилия и справедливости в окружающем мире, сколько противостояние добра и зла в себе самом. Самые невыносимые оковы — узы собственной беспомощной плоти. Душа поэта все время стремится взлететь в небеса, но временное и бренное тело держит ее на земле, и ока-

заться в небесной лазури она может только в мечтах. Внутренние переживания автора нашли отражение в стихотворении «Небесное путешествие» («Уæларвон балц», 1991), где лирический герой, подобно стручку фасоли, разрывает свою оболочку. На обнаженной душе не оказалось даже пылинки, сверкая и пылая, она взмывает в небо, откуда слышится ее счастливый смех, плоть же остается на земле, словно пустой, покинутый обрубок. Герой с наслаждением говорит о расставании с телом, видя его незавидную участь: оно будет валяться в грязи и в нем, словно в дупле, поселятся дятлы. Устами своего лирического героя поэт грезит не о временном полете в небеса, а о смерти, которая может навсегда разорвать телесные оковы. В фантазиях поэта этот разрыв — обретение вечной и настоящей свободы:

...Ныр фестади æдзæф барæг мæ уд,
зæрин барцыл ныззæгæлæг, ныффидар.
Йæ бæхы ном — тæхгæ-наргæ: СÆРИБАР
[3, 11].

...Теперь моя душа — всадник непорочный,
Вцепилась в золотую гриву, ухватилась.
Имя ее коня — летящее, гремящее:
СВОБОДА

(«Небесное путешествие», букв. пер.)

Эта тема продолжается писателем в стихотворении «Моя душа и мой чурбан» («Мæ уд æмæ мæ къодах», 1992). Обращение лирического героя к дятлу вновь передает глубокое внутренне томление, желание взлететь в небесную высь, а тело, ставшее тюрьмой, оставить на земле. Устав от тягот земной жизни, герой стихотворения просит у птицы одолжить ему крылья. Он готов отдать дятлу в пищу свое тело — чурбан, как он называет его грубо. Дятел с радостью соглашается на просьбу. Тленную, земную пищу крылатое творение готово променять на возможность парить в облаках. Оказавшись в небесной лазури, лирический герой испытывает блаженство, не сравнимое ни с чем:

...Ныр арвай мæ удаен
фахъуысы йæ зарæг, фахъуысы йæ худын,
сæрибары арвай даламæ кæсы... [3, 10].
...Теперь с небес

души моей песня слышна, смех ее слышен,
с неба свободного смотрит вниз...

(«Моя душа и мой чурбан», букв. пер.)

Подобные строки, несомненно, рождаются в момент глубочайших страданий. Жажда внутреннего покоя и гармонии жизни приводит поэта к поискам Творца. В творчество Кодзати проникают христианские идеи о сотворении человека, о его изначальном божественном предназначении и духовном падении. На основе библейской истории о сотворении человека написано стихотворение «Бог» («Хуыцау», 1999). Отношение Творца к творению показано через призму восприятия лирического героя. Создатель радуется рождению новой жизни. Творение радостно смеется и сверкает, освещенное Божьим светом, но вмешательство темной силы вырывает из сердца свет Всевышнего. Лирический герой сравнивает свою душу с гнездом, в котором поселился Творец, сотворивший его для Себя, для того, чтобы жить в его сердце. Бог дал ему жизнь, наполнил его душу Своим дыханием, поэтому он мог передавать людям Надежду — целительный бальзам, дарованный Всевышним. Но внезапно всему приходит конец, исчезает надежда и остаются только страх и отчаяние:

Фæлæ мæ Кæнæг амарди мæ мидæг —
Йæ конд ахстоны: амардта Йæ Чидæр,
цыдæр æлгъыстаг. Мардта Йæ сындæггай.
Мæ дадзинтæй, мæ чырагтæй ыскъуыдта
Хуыцауы рухс æд удагтæ, бындзаргæй
[4, 6].

Но умер во мне мой Создатель —
В гнезде, сотворенном Им; убил Его кто-то,
проклятый какой-то. Медленно убивал Его.
Из клеток, из сосудов моих вырвал
С корнями Божий Свет

(«Бог», букв. пер.)

В христианской интерпретации Бог сам покидает человека после грехопадения. Сама мысль о том, что Всевышний, хозяин вечности и источник жизни, может быть кем-то убит, в христианстве представляется невозможной. Но и для героя убийство Творца — это не смерть Всевышнего в полном смысле этого слова, а потеря частички Бога в себе самом. Теперь он бредет

вслепую, рыдая и плача, покинутый и одинокий, пытаюсь вновь обрести связь с Создателем. Состояние полного внутреннего хаоса словно закрывает путь возврата:

*Цы агурын? Кэй агурын? Цы курын?
Маэ Хуыцауы? Эз уый аккаг нэ дæн!
Йæ марæг дæр махæдæг уыдтæн: Иблис
Маен сардыдта, æз та йæ хонын Чидæр...
[4, 6].*

Что ищу? Кого ищу? Чего прошу?

Бога моего? Его я не достоин!

Я сам Его убил: Дьявол

искусил меня, его я кем-то называю...

(«Бог», подстр. пер.)

Герой стремится уберечь от такой же участи своего наследника и призывает его хранить Творца в своем сердце, чтобы Создатель сохранил ему жизнь.

Вековая тема поиска Создателя, экспрессивная лексика, реализм внутреннего переживания — все это наполняет стихотворение тем содержанием, которое влечет к себе читателя и заставляет глубоко задуматься о смысле человеческой жизни.

Ахсар Кодзати не может смириться с противоборством темных и светлых сил на земле, но больше всего поэт воюет со своим собственным «я». В стихотворении «Золотой ангел моей души» («Маэ уды зæрин зæд», 2001 г.) лирический герой призывает ангела-хранителя уберечь его от самого себя. Ангел-хранитель — тот, кто радуется и печалится вместе с героем, хранит его от болезней, сил тьмы и всякого зла. Он для него — оазис в пустыне. Ангел воюет с силами тьмы ради его счастья и покоя. Герой не может винить в своих страданиях ангела, из-под пера автора выливаются строки, полные самоосуждения:

*Уæд чи у бæстызмур, уæд чи у фыдгæнæг?
Маэ фыдгул, маэ сафаг, маэ уæнгæл —
махæдæг! [4, 9].*

Так кто ж смутьян, кто возмутитель?

Мой враг, мой губитель, мой ненавистник — сам я!

(«Золотой ангел моей души», букв. пер.)

Поэт осознает, что источник зла и временных страстей находится в самом человеке, но он готов к испытаниям и борьбе. Печали и горести жизни для Ахсара Код-

зати — это не только источник горьких раздумий, но и закалка характера. В стихотворении «Атар» (1999) лирический герой ввергает душу очищающей небесной стихии — Огню (Атару). Он призывает на помощь силу Огня, надеясь, что справедливая кара и свет Атара испепелят всю грязь его души. Поэт проводит сравнение с героями Нартовского эпоса, которые добровольно закалялись в кузнице Алайгона (Курдалагона). Пройдя огненную закалку, нарты приобретали силу и выдержку стали. Об испытаниях, выпавших на его долю, поэт пишет:

Маенæн дæр ацы зынг æвдадз у:

*кæнын сындаг сыгъдæй Сыгъдæг,
кæнын Асайы 'мсæр, Æцæг [4, 24].*

И для меня этот огонь — целительный бальзам,

*от медленного обжига Очищаюсь,
становлюсь равным Асе — Истине*

(«Атар», букв. пер.)

В Авесте слова «атар» (огонь) и «аса» (истина, правда) взаимосвязаны. Писатель указывает на это обстоятельство в примечании. Поэт мастерски пользуется приемом аллитерации, что способствует позитивному настрою стихотворения в целом и придает ему песенное звучание. В четвертой строфе стихотворения «кæнын... сыгъдæг» (букв. «очищаюсь», переносное значение в переводе с осет. — «освящаюсь») подразумевает духовное очищение. Поэт стремится, прежде всего, видеть чистой собственную душу. Противоборство собственных страстей угнетает писателя больше, чем неустройство видимого мира.

Теме духовного обновления Александр Блок посвятил цикл первого тома своей лирики — «Стихи о Прекрасной Даме», но в его поэзии прослеживается в большей степени надежда на то, что изменится мир окружающий, а не внутренний. Его лирический герой грезит о том, что в мир придет вечная женственность, превратив хаос и мрак в гармонию и свет. Появляется Прекрасная Дама, и мир вокруг лирического героя полностью обновляется, но теперь поэта пугает уже другое — вдруг он окажется недостойным этого идеала.

Ахсар Кодзати редко пишет о любви, удивительная сила которой в течение многих веков питает творчество классиков и современников мировой литературы. Писатель стремится понять свое истинное предназначение. Ради чего я живу? Ради чего вообще стоит жить? Эти вопросы волнуют поэта и заставляют глубоко задумываться о смысле жизни, о цели своего земного пути. Ведь все видимое теряет ценность, когда душа ни к чему не привязана. В стихотворении «Путь души» («Удвæндаг», 2000 г.) Ахсар Кодзати цитирует греческого сатирического поэта Архилоха, который называет три пути, три ценности, ради которых имеет смысл жить на земле: богатство, душа и борьба. Но человек ненасытен: лирический герой жаждет и борьбы, и богатства. А как же духовный, невидимый путь души? Ведь он ему тоже необходим, но как охватить все три? Склонив в почтении голову перед греческим сатириком, герой сначала выбирает третье — духовные поиски. Внезапно раздается крик ненасытной, обделенной плоти, склоняя сердце на путь богатства. Герой не может понять, что это за крик, застывает на месте и больше не может сделать шаг. Он поражен тем, что подобный крик вырвался из его собственного сердца, но в бессилии подчиняется этому зову. И что же ждет его теперь? Он выбрал иной путь, и поэтому остается на распутье — ни земной, ни небесный. За выбором плоти последовало внутреннее осуждение, вслед за которым пришло раскаяние. Герой сожалеет о том, что жил ради временного и не думал о вечных ценностях жизни:

...Хуыцау мае къахдзæфтæ уыдта...

Мае уд хакъуырцц-куыдæй куыдта [4, 181].

...видел Бог мои шаги...

...Душа моя плакала...

(«Путь души», букв. пер.)

«Видел Бог мои шаги» — эта фраза повторяется писателем дважды: в середине и в конце стихотворения. Многозначия в начале и в конце обеих строк последней строфы являются бессловесным выражением невысказанной боли поэта. И в этой недосказанности словно тлеет надежда на

то, что не все еще потеряно, и душа вновь обретет радость от общения с Творцом, которого покинула в момент искушения.

Возврат к Источнику жизни и света — вот что является той дорогой души, на которую хотел свернуть лирический герой. Но, как это свойственно человеку, сердцем овладели соблазны материального мира. В результате — слезы, разочарование, страдание. Дух человека стремится к поиску вечного, плоть же жаждет насладиться тем, что осязаемо, доставляет временное наслаждение. Однако ни один соблазн не может радовать человека долго, а по-настоящему он способен оценить лишь то, что достается с большим трудом. Не победив самого себя, человек на пути к духовному единению с Всевышним терпит крах. Таков итог, вытекающий из всего стихотворения.

В стихотворении «Ларец» («Лагъз», 2000 г.) Творец выступает источником Вселенской гармонии. Поэтический образ ларца выражает мироощущение поэта. Лирический герой словно спускается с высоты небес до самых крайних уголков земли, будто он сам наблюдает за процессом творения. Перед читателем, с одной стороны, предстает своеобразная космическая матрешка, а с другой — яркий мотив фольклора разных народов — ларцы, помещенные один в другой. В стихотворении Кодзати самый огромный ларец — весь существующий мир в его космическом понимании, затем — Галактика, Земля, Россия, Кавказ, Иристон, родное село, улица, отцовский дом и колыбель, в которой он находится родившись. Все ларцы помещены друг в друга, и все это совершилось по замыслу Всевышнего. Здесь наблюдается Божественный порядок, необъятная мудрость Творца, и в этих видимых проявлениях Божьего совершенного разума лирический герой все же увидел присутствие гармонии. Но нет покоя в его душе: в огромной необъятной Вселенной бьется раненое сердце, жаждущее познать смысл бытия.

Лирический герой стихотворения называет колыбель своей первой брочкой. В ней начался его путь к постижению своего предназначения, поиск чего-то непонятно-

го, но вечного. И этот поиск совершается не во внешнем мире, а в нем самом:

*Ис уды та цыдæр сусæг æвæрд,
æнæзæгъгæ, æнæмæлгæ, æвæд* [4, 183].

*В душе же что-то тайное заложено,
невыразимое, бессмертное, бесследное.*

(«Ларец», букв. пер.)

Источником вдохновения для создания образа ларца вновь послужил эпос, где ларец является хранителем силы Мукары — героя Нартовских сказаний. Сам ларец находится внутри оленя, а в ларце — три ласточки. В них заложены сила, надежда и душа эпического персонажа. В качестве эпиграфа к стихотворению автор использует отрывок из сказания о Сослане и Мукаре. В русском фольклоре мотив хранения силы героя в ларце, как известно, особенно популярен в сказках о Кошце Бессмертном.

Герой стремится найти что-то необъяснимое, но вечное, то, что может связать его с Создателем. И эту невидимую нить он ищет в своей душе. Лирический герой не в силах полностью постичь тайну, которая заложена в ларце под названием «душа», но понимает, что ключ от неизведанной тайны находится в руках Творца. «Ларец» — стихотворение с философским содержанием. Поэт пытается постичь самого себя, свой удивительный внутренний мир, который часто ему неподвластен, но в котором есть стремление к чему-то чистому, совершенному и вечному.

В стихотворении «Postmortem» (от лат. «после смерти») отражены фантазии о том, что ожидает душу за чертой смерти. Подобно ангелу, душа героя взирает на землю с небес, глядя на прожитую жизнь. Место, где он жил, теперь кажется глубокой ямой, а вся жизнь видится сплошным кошмаром, страданием в пасти дракона. С ощущением абсолютного покоя свободная душа прощается с телом, осознав, насколько мир земной отличается от небесных сфер.

В стихотворении «Тень Иристана» («Ирыстоны æндæрг») внутренний мир поэта сужается еще больше, словно на огромной земле не остается даже воздуха, чтобы дышать свободно:

Мæ арт мæ къонайы фæкъаддæр,

Мæ арв, мæ цар — ныллæгдæр, тардæр:

Бæстæ дæр нал и æмæ фарн дæр,

Фыд дæр, æфсымæртæ дæр, мад дæр.

Зæд дæр мын нал и æмæ ард дæр... [4, 182].

В печи моей огонь стал меньше,

Темнее, ниже — небо, потолок,

Нет ни страны, ни благодати,

Нет ни отца, ни матери, ни братьев.

Ни ангела, ни клятвы нет...

(«Тень Иристана», букв. пер.)

Поэта не покидает ощущение того, что он отдаляется от Творца, а силы тьмы становятся все ближе. Протест Кодзати против человеческого насилия, произвола и корысти выливается в строках, в которых видно горячее желание покинуть бранный мир. Лирического героя переполняет чувство отверженности Творцом:

...цауын Рысты Кардæн йæ комыл.

Чырысти не 'ркурдзæн мæ номыл

Хуыцауæй цард — нæ дæн æз Лазæр...

Кæнын — Зæронд Сидзæр — фæстаг хъæр

[4, 182].

...хожу по Лезвию Страдания.

Христос не попросит для меня

У Бога жизнь — не Лазарь я...

Издаю последний крик — Старый Сирота...

(«Тень Иристана», букв. пер.)

Конец стихотворения наполнен трагическим пессимизмом. Кодзати обращается к истории о библейском Лазаре, которого Иисус воскресил через четыре дня после смерти. В стихотворении «Тень Иристана» суть духовных исканий поэта проясняется полностью. Он всей душой жаждет единения с Творцом, и не только как с Хозяином вечности, источником гармонии и света. Поэт стремится к Божественной колыбели, в которой надеется испытать любовь Создателя и Отца. Из души уже зрелого по годам автора вырывается крик младенца, крик сироты, жаждущего Божьей любви. Этот крик обращен и к Творцу, и к миру, в котором герой чувствует себя одиноким, лишенным настоящего тепла и покоя. Измученное сердце поэта не верит в то, что в небесном мире, к которому он стремился всю свою жизнь, его встретят с радостью и Творец станет для него ходатаем жизни.

И все же в творчестве поэта встречаются и строки, пропитанные любовью к Земле, на которой качалась его колыбель, где началась первые шаги Ахсара Кодзати в необъятной Вселенной. Стремясь в заоблачную высь, поэт в своих грезах мечтает не просто взирать на Землю, но видеть всех людей счастливыми. Мечтания писателя отражены в стихотворении «Фантазия». Звезда-союзник лирического героя на крыле-луче поднимает его в небеса. Глядя на Землю, он видит, что везде царит любовь, изобилие, страданий больше нет, а человек обрел счастье. Охваченный любовью к родной Земле, счастли-

вый герой бережно поднимает ее на своей ладони.

Тернист и нелегок жизненный путь Ахсара Кодзати. Сегодня уже зрелый по годам автор устал от невзгод, но продолжает творить и облекать чувства и мысли в блестящую огранку слова. Какой бы трагический звук не издавали его сонеты, сегодня поэт стал истинно народным. Испытания стали для Кодзати огненной закалкой, но он не замкнулся в себе. Думы и чаяния писателя, как и его талант, являются достоянием народа, ради которого он все еще не сдается, и все еще звучит мелодия уставших струн его поэтической лиры.

---

1. Джыккайтты Ш. Ф. Поэзийы фарн // Фидиуаг. 1991. № 11-12.

2. Дзуццати Х. М. Послесловие // А. Кодзати. Богиня огня: стихи на осетинском и русском языках. Владикавказ, 2003.

3. Хъодзаты А. Дыууаизаэрастау. Дзæуджыхъæу, 1994.

4. Хъодзаты А. Бындзæфхад. Дзæуджыхъæу, 2007.